

Виталий Шумило¹
VITALIY SHUMILO
[HTTPS://ORCID.ORG/0000-0003-2257-5422](https://orcid.org/0000-0003-2257-5422)

Rocznik Teologiczny
LXV – z. 3/2023
s. 543-568
DOI: 10.36124/rt.2023.21

Митрополит Антоний (Храповицкий) и идея государственности Украины в период правления гетмана Павла Скоропадского

**Mitropolit Antonij (Hrapovickij) i ideã gosudarstvennosti
Ukrainy v period pravleniã getmana Pavla Skoropadского**

**Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) and the idea
of Ukrainian statehood during the reign
of Hetman Pavel Skoropadsky**

*К 160-летию со дня рождения святителя (1863–2023)
и 150-летию гетмана (1873–2023)*

Ключевые слова: митрополит Антоний (Храповицкий), Павел Скоропадский, украинская идея, украинская государственность, консерватизм, монархия, православная Церковь в Украине

Key words: Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), Pavel Skoropadsky, Ukrainian idea, Ukrainian statehood, conservatism, monarchy, Orthodox Church in Ukraine

Резюме

Цель публикации – на исторических материалах, которые ранее выпадали из поля зрения исследователей, рассмотреть историю взаимоотношений предстоятеля Православной Церкви в Украине Митрополита

¹ Dr Witalij Szumilo, Centrum Studiów nad Historią Religii i Kościoła im. Łazarza Baranowicza Państwowego Uniwersytetu „Czernihowskie Kolegium” im. T.G. Szewczenki w Czernigowie .

Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого) и главы Украинской Державы Гетмана Павла Скоропадского. Устоявшаяся в украинской историографии мифологема о враждебности митрополита Антония (Храповицкого) украинской идее и украинской государственности и, как следствие, – конфронтации Митрополита с Гетманом П. Скоропадским – ошибочна. Митрополит Антоний с первых дней возглавления Православной Церкви в Украине занял позицию активной и искренней поддержки политики Гетмана в вопросе украинского государственного строительства. Из поначалу подозрительных их отношения постепенно переросли в уважительные и доверительные, поскольку митрополит Антоний был убежденным идейным сторонником и помощником Гетмана в его державной политике. Свержение Гетманата объединенными силами украинских социалистов, анархистов и российских большевиков привело к падению Украинской Державы и направило исторический ход церковных и государственных событий в иное русло, ввергнув Украину в хаос гражданской войны и советской оккупации, остановив развитие державного строительства в Украине на несколько десятков лет и изменив историю Украинской Церкви.

Abstract

The purpose of the publication is to use historical materials that previously fell out of the field of view of researchers to consider the history of the relationship between the Primate of the Orthodox Church in Ukraine, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) of Kyiv and Galicia, and the head of the Ukrainian State, Hetman Pavel Skoropadsky. The mythology established in Ukrainian historiography about the hostility of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) to the Ukrainian idea and Ukrainian statehood and, as a consequence, the confrontation of the Metropolitan with Hetman P. Skoropadsky is erroneous. From the first days of heading the Orthodox Church in Ukraine, Metropolitan Anthony took the position of active and sincere support for the Hetman's policy on the issue of Ukrainian state building. From being initially suspicious, their relationship gradually grew into respectful and trusting, since Metropolitan Anthony was a convinced ideological supporter and assistant to the Hetman in his sovereign policy. The overthrow of the Hetmanate by the united forces of Ukrainian socialists, anarchists and Russian Bolsheviks led to the fall of the Ukrainian State and steered the historical course of church and state events in a different

direction, plunging Ukraine into the chaos of civil war and Soviet occupation, terminating the development of power building in Ukraine for several decades and changing the history of the Ukrainian Church.

В украинской историографии существует мифологема о митрополите Антонии (Храповицком) как о человеке, который был безусловно враждебен украинской идее как таковой и украинской государственности в частности. В подтверждение этой мысли, как правило, апеллируют к его дореволюционным статьям о монархии в России, а также, – уже после Февральской революции и большевицкого переворота, – указывают на неприятие митрополитом автокефалии православной Церкви в Украине, украинизации церковного богослужения и конфронтацию со Всеукраинской Православной Церковной Радой („Всеукраїнська Православна Церковна Рада”, далее – ВПЦР), возникшей в Киеве в начале декабря 1917 года и объявившей себя высшей церковной властью в Украине.

Появление этой мифологемы является результатом недостаточно объективного и глубокого изучения фактов и документов той эпохи, а также, на наш взгляд, – излишне эмоциональной интерпретации некоторых из них или хронологической неточности в описании событий. Таким образом, история пребывания митрополита Антония на Киевской кафедре нуждается в переосмыслении, вовлечении в исследование новых документов и фактов и, конечно, установлении хронологической точности, что совершенно необходимо для объективного взгляда на нашу историю.

Так, например, при рассмотрении вопроса о конфронтации с ВПЦР, важно проследить хронологическую последовательность произошедшего. Конфликт был создан не митрополитом Антонием – он возник задолго до того, как Антоний был избран на кафедру Митрополита Киевского и Галицкого (19 мая 1918 года). Причина возникновения конфронтации – столкновение двух разных мировоззренческих позиций. С одной стороны – членов ВПЦР,

состоявшей из священников и мирян и настаивавших на полной украинизации и автокефалии Церкви в Украине и желавших разрешения этих вопросов быстрым революционным способом. С другой – этнических великороссов-архиереев (или обрусевшей польско-украинской шляхты, как в случае с митрополитом Антонием, чьи предки происходили из старинного шляхетского сословия Речи Посполитой), занимавших в то время большинство украинских кафедр и не понимавших и не принимавших как самой идеи отделения (автокефалии) Украинской Церкви от Московского патриархата (к слову – только восстановленного в Москве после 300-летнего перерыва – 18 ноября 1917 г.), так и не воспринимавших ВПЦР *как таковой* вследствие консервативности своего воспитания, богословского образования и восприятия происходивших в стране перемен. В их глазах ВПЦР была „революционным учреждением, не считающимся ни с церковными канонами, ни правами, сочувствующим всяким переворотам, если нужно, то и насилиям” (Ul`ânovskyj 1997, 9)².

Приводя эту цитату, мы не даем оценки деятельности ВПЦР, а лишь хотим обратить внимание на то, что, в действительности, это был конфликт двух противостоящих друг другу мировоззрений, в чем-то непримиримых между собой: *либерально-революционного и консервативно-традиционалистского*, а вовсе не конфликт на национальной почве – между украинцами и великороссами, – хотя внешне он выглядит именно так и именно так воспринимается большинством исследователей. Пройдет немного времени, и уже в самой России начнется противостояние на той же почве – между консервативным и либеральным духовенством, что выльется в так называемый *обновленческий раскол* и создание *Живой Церкви*. В этом контексте ВПЦР представляла из себя украинское

² Так оценивал деятельность ВПЦР гетман Павел Скоропадский (Ul`ânovskyj 1997, 9).

обновленческое движение, порой даже более радикальное, чем в России³, что неизбежно вело к конфликту и конфронтации с традиционно-православным епископатом и духовенством.

Подобные разногласия между революционно и консервативно настроенными частями общества возникли в те годы практически во всех сферах общественной жизни, в культуре и искусстве, что было спровоцировано слишком резким поворотом истории в 1917 году. Революция привнесла в массы представление о возможности абсолютного обновления, создание совершенно новых форм существования путем решительных и как можно более быстрых изменений без оглядки на традицию и установленные правила. Под знаменем противоречий между теми, кто пытался опираться на фундамент сложившихся приоритетов, и теми, кто стремился разрушить их как можно быстрее, чтобы создать нечто новое, идущее в ногу с политическими событиями, прошла вся первая треть XX в.

³ Вспомним, например, историю возникновения епископата Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ) формации 1920-х годов – рукоположение «от мощей» в Киево-Печерской лавре 23 октября 1921 года группой духовенства и мирян первого епископа УАПЦ – не традиционным для православной Церкви способом: т. н. *пресвитерским возложением рук*, когда группа священников сама себя возвела в архиерейский сан, между тем как по церковным канонам – установленным Вселенскими Соборами раз и навсегда церковным правилам – епископскую хиротонию могут совершать не менее чем два архиерея (см. *Kniga pravil Svâtyh Apostol...* 1893, 11). Идея настолько радикальная, что даже российские обновленцы, введшие, как и УАПЦ, женатый епископат и множество иных церковных новшеств, не признавали хиротоний УАПЦ. Например, во внутреннем отчете Черниговского ОГПУ за май 1923 года находим такое сообщение: „Со стороны епископа автокефальной Церкви Ивана Павловского были попытки слияния с группой «Ж-Ц» для совместной борьбы с Тихоновцами. Переговоры велись с епископом «Ж-Ц» Александром Мигулиным и уполномоченным В.Ц.С., но получив ответ что вести работу можно только при условии его досвятить, Павловский прервал переговоры” (ДАЦО. Ф. R-15. Оп. 4. Д. 14. ф. 35).

Консервативно настроенные архиереи не воспринимали революционные события, не могли (да и не хотели) слишком быстро принимать решения соответственно изменившейся обстановке, – либерально настроенное духовенство и миряне не хотели мириться с *косностью* церковного начальства и желали быстрых и радикальных перемен. Ни те, ни другие, по сути, не были готовы к диалогу, не сумели услышать друг друга и найти точки соприкосновения для допустимого взаимоприемлемого компромисса. Таким образом, митрополит Антоний застал в Киеве уже обозначившийся и сложившийся мировоззренческий конфликт, разделивший киевскую громаду (общину) на два враждующих лагеря, и успевший перерасти в открытое противостояние.

Митрополит Антоний был архиереем консервативных и монархических взглядов, но ему было чуждо абсолютное неприятие общественного мнения. Он сумел понять суть произошедших в России и Украине перемен. Смог оценить достоинства мирной жизни в Украине под украинским и православным правительством гетмана Павла Скоропадского, – в сравнении с поработенной большевизмом и богоборчеством Россией, на территории которой шла кровавая гражданская война, – и воспринять чуждую ему когда-то украинскую идею и украинскую государственность через призму своего консервативного и монархического мировоззрения. Путь этот был не простым, часто противоречивым, как и само время, в которое митрополиту Антонию пришлось жить, богословствовать, многое переосмысливать и принимать важные решения.

Значительная часть жизни митрополита Антония прошла в Украине – сначала в качестве епископа Волынского, затем архиепископа Харьковского и, наконец, Митрополита Киевского и Галицкого. С титулом Киевского Митрополита он ушел в эмиграцию, и с этим титулом навсегда вошел в историю. Поэтому его эволюция в вопросе украинской идеи и государственности, очень медленная, местами болезненная, как для него самого, так

и для окружавших его украинцев, – закономерна. Родившись в Великороссии и получив воспитание верного трону русского дворянина, Антоний, став епископом Волынским, не воспринимал идею украинства, не понимал чаяний немногочисленной тогда украинской интеллигенции. Это были два разных мира, две разные психологии, два разных ментальных типа. Известны его довольно резкие высказывания об украинском языке, который он, как официально считалось в Российской империи, называл *малороссийским наречием* и выступал решительно против украинизации богослужения. Справедливости ради необходимо сказать, что он также категорично относился и к русификации богослужения и был против использования в церковных службах переведенных на русский язык богослужебных текстов. Такой характерный пример: в своих богословских статьях он никогда не цитировал Библию в русском синодальном переводе, но всегда использовал церковно-славянский текст. То есть, подчеркнем это еще раз, он был консерватором по своему мировоззрению, а отнюдь не русофобом или украинофобом. Но консерватором не закостенелым, а с очень живым и пытливым умом. Он не боялся признавать ошибки и не боялся вносить новую струю в богословскую и церковную жизнь, когда видел, что консерватизм превращается в косность и мешает здоровому течению жизни. Его *Догмат Искупления*⁴, – о сострадательной любви Христа к человечеству, – произведший целый переворот в закостенелом схоластическом богословии, – лучшее тому подтверждение. Проекция сострадательной любви Христа к человеку на сострадательную любовь пастыря к пасомому в учении Антония

⁴ Впервые изданный в 1917 году, однако основные его положения встречались в богословских статьях значительно раньше (например, „Размышления о спасительной силе Христовых страстей” 1890 г., „Какое значение для нравственной жизни имеет вера в Иисуса Христа” 1896 г.), и в первую очередь – в лекциях по пастырскому богословию.

существенно изменила нравственное и пастырское богословие и не замедлила принести свои плоды. Большинство архиереев-новомучеников в Русской Церкви, в том числе и среди тех, кто не принял сергианства, – были учениками Антония, не говоря уже о бесчисленном сонме духовенства. Русская Зарубежная Церковь старой формации, какой она была до унии с Русской Православной Церковью Московского Патриархата (далее – РПЦ МП), – защищавшая нравственную правду и духовную свободу Церкви „перед лицом господствующего зла”⁵, – это тоже плод деятельности митрополита Антония, его живого и практического ума.

К тому времени, когда архиепископ Антоний был избран на Киевскую кафедру, в России произошли существенные перемены: монархии больше не было, страна была объявлена федеративной демократической республикой, затем в Петрограде произошел большевицкий переворот и Россия погрузилась в хаос гражданской войны.

В Украине в это время нерешительная и в большинстве своем социалистическая Центральная Рада 29 апреля 1918 года была свергнута и установлен Гетманат – во главе с боевым генералом, потомком старинного казачьего рода гетманом Павлом Скоропадским, – человеком, олицетворявшем в государственной политике умеренный консерватизм. Установление гетманской власти было воспринято в Украине с облегчением: здесь образовался настоящий оазис мирной жизни посреди бушующего океана гражданской войны⁶.

⁵ Так называлась одна из первых и лучших монографий по истории Русской Церкви в XX в. многолетнего секретаря Архиерейского Синода РПЦЗ епископа Григория (Граббе) (см. Grigorij (Grabbe), episkop 1991).

⁶ „Весна 1918 года прошла здесь сравнительно спокойно. После Брест-Литовского мира в марте немцы заняли Украину, которая с 22 января объявила себя независимой республикой. С помощью немцев и под их контролем правительство гетмана Скоропадского, взявшее власть в апреле, пыталось восстановить порядок в стране”, – из воспоминаний Анастасии Ширинской

Гетман Скоропадский, заключив союз с Германией, действительно сумел восстановить в стране достойную мирную жизнь. Работали фабрики и заводы, действовали школы и университеты, Церковь, в отличие от советской России, пользовалась свободой, – даже большей, чем это было во времена империи.

Однако произошли и важные перемены. Украина была провозглашена унитарным государством, со своей внутренней и внешней политикой, государственным языком стал украинский, в стране происходила постепенная де-русификация. В таких новых политических условиях архиепископ Антоний возглавил Киевскую митрополицию кафедру.

(см. Širinskaâ 1999, 79). Не симпатизировавший Скоропадскому Константин Паустовский в воспоминаниях о том периоде, о массовом наплыве беженцев из России в Украину, в частности, в Киев, писал: „Население города почти удвоилось за счет москвичей и петроградцев” (см. Paustovskij 1985, 94). „При гетьманській владі в державі, в житті міста швидко відновився лад і порядок. В крамницях і на базарі були продукти й не по дорогих цінах. Досить добре функціонували шляхи сполучення”, – вспоминал украинский профессор-эмигрант И. А. Марченко (см. Marčenko 2012, 39). Как видно из воспоминаний совершенно разных людей, принадлежавших к разным политическим лагерям – белоэмигрантскому, советскому и национальному украинскому – в Украине, трудами гетмана Павла Скоропадского, по сравнению с остальной частью бывшей Российской империи, действительно установились относительные мир и порядок. Это подтверждают и воспоминания человека, который вообще был далек от какого бы то ни было политического объединения или направления – жены поэта и переводчика Бенедикта Лившица Екатерины Лившиц: „Помню Киев в Гражданскую войну – страшный, обстреливаемый, с мертвыми, валяющимися на мостовых, но и в эти годы жизнь продолжалась. В моменты затишья мы учились (...) В Киеве военных лет, как это ни странно, кипела театрально-литературная жизнь. Многие литераторы, артисты, художники, спасаясь от голода, уезжали из Москвы и Петрограда в Киев. Работали литературные кафе, театры, выставки. Помню, как мы веселой гурьбой гуляли по Крещатику” (см. Livšic 2009, 29–30). Воспоминания эти были написаны в 1960–1970-е гг., при советской власти, поэтому они достаточно сдержанны и осторожны, но из контекста понятно, что речь идет о Киеве времен гетмана П. Скоропадского.

Гетман П. П. Скоропадский считал себя человеком православным⁷, поэтому вопрос взаимоотношений государства и Церкви не был для него безразличным: православная Церковь при Гетманате находилась под протекторатом государства, хотя государство не вмешивалось в жизнь Церкви и не посягало на ее внутреннюю свободу⁸. Это подтверждают, в частности, выборы в Киеве 19 мая 1918 года Митрополита Киевского и Галицкого: несмотря на желание Гетмана видеть на Киевской митрополичьей кафедре своего человека, Киевским епархиальным съездом был избран, как упоминалось выше, архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) – человек в Церкви почитаемый, известный педагог и богослов. Скоропадский, хотя и был недоволен кандидатурой Антония, не препятствовал этому выбору и в конечном итоге признал его легитимность⁹. Именно при митрополите Антонии Православная Церковь в Украине в июле 1918 года провозгласила автономию¹⁰,

⁷ О религиозности семьи Скоропадских и самого Гетмана см. Parakin 2017, 22–36.

⁸ Детальное исследование государственно-церковных отношений во времена Гетманата не является задачей настоящей статьи, поэтому останавливаться на них не будем. О церковной политике Украинской Державы и личном отношении Гетмана ко многим вопросам государственно-церковных отношений есть много интересного и важного в воспоминаниях, написанных Скоропадским в нач. 1920-х годов в эмиграции (см. Skoropads`kuj 1995), а также в воспоминаниях министра исповеданий при Гетманском правительстве В. В. Зеньковского (см. Zen`kovskij 1995).

⁹ По настоянию Гетманского правительства избрание Антония (Храповицкого) на Киевскую митрополичью кафедру Киевским епархиальным съездом, который по статусу имел право выбирать только епархиального архиерея, а не первоиерарха всей Церкви, было вынесено на рассмотрение Всеукраинского Православного Церковного Собора и утверждено большинством голосов. Фактически выборы Антония состоялись дважды; в результате Гетман признал за Антонием статус Митрополита Киевского и Галицкого (см. Nikon (Rklickij), episkop 1958, 230–233).

¹⁰ Официальное название, принятое Всеукраинским Церковным Собором: Православная Церковь на Украине (ПЦУ).

которую украинские иерархи считали промежуточным звеном на пути к автокефалии¹¹.

Принято считать, что у гетмана Скоропадского и митрополита Антония с самого начала не сложились отношения, и они так и остались антагонистами, причем, – по вине Антония. Отсюда, как правило, делается вывод, что Антоний не воспринимал Украину как самостоятельное государство и только и ждал, когда это государство рухнет. Это не так, непредвзятое рассмотрение фактов приводит нас к другим выводам.

Прежде всего, следует обратиться к воспоминаниям самого Гетмана, написанным уже в эмиграции и являвшимся подведением итогов его государственной деятельности (см. Skoropads`kuj 1995).

¹¹ Так, даже спустя шесть лет после провозглашения автономии, несмотря на то что Церковь в Украине была советской властью практически разгромлена, на вопрос следователя 15 сентября 1924 года „Кого Вы считаете главой Русской Церкви?“ епископ Глуховский и Нежинский Дамаскин (Цедрик) отвечает: „Мы, украинские епископы, осуществляющие широкую церковную автономию, но ставшие на путь автокефалии (курсив наш – В.Ш.), впредь до возможности Соборным путем утвердить автокефалию Укр[аинской] церкви, до того момента, в силу обязательных для нас канонов, считаем Патриарха Тихона главой Русской и Украинской церкви” (СА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 7. Ф. 3). Следует иметь в виду, что глава ПЦУ митрополит Антоний в это время находился в эмиграции в Сербии, сохраняя титул митрополита Киевского и Галицкого. Называть следователю имя митрополита-эмигранта, решительного противника советской власти, епископ Дамаскин не стал, поэтому временным главой Украинской Церкви он назвал патриарха Тихона, что фактически так и было, ведь ни патриарх Тихон, ни возглавивший Российскую Церковь после смерти Патриарха митрополит Петр (Полянский) не решились, несмотря на давление ОГПУ, сместить с Киевской митрополичьей кафедры соборно избранного митрополита Антония (что могло быть также моментом солидарности с архиереем-эмигрантом – тихий, негласный протест против антицерковной политики советской власти). Впервые это совершил митрополит Сергей (Страгородский) уже после обнародования в июле 1927 года Декларации о лояльности советской власти, однако он уже не считал Церковь в Украине автономной, поскольку не придерживался ни канонов, ни решений и постановлений Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов, и уж тем более – решений Всеукраинского Церковного Собора 1918 года, проходившего при гетмане Павле Скоропадском.

В них Павел Петрович Скоропадский неоднократно называет митрополита Антония „выдающейся личностью”, „человеком большого ума” и т. п., отзывается о нем с нескрываемым уважением, хотя и критикует достаточно жестко за его мировоззрение, считая Антония архиереем старой формации, не способным действовать в новых условиях, сложившихся в Украине: „Митрополит Антоний (...) безусловно умный человек, не сумел привязать к себе свою паству [имеется в виду украинская община – В.Ш.]. При всем его уме, он уж *слишком самодержавного направления*, что не годится у нас [в Украине], так как народ наш действительно убежденный демократ. С митрополитом Антонием я был в видимых хороших отношениях, но я совершенно не разделял его взглядов” (Skoropads`kuj 1995, 199). Это несовпадение во взглядах, тем не менее, не помешало митрополиту Антонию, имевшему, по словам Гетмана, „ум самодержавного направления”, сделать главе украинского государства, представителю старинного казачьего и гетманского рода предложение, выполнение которого навсегда закрепило бы статус Украины как самостоятельной и независимой державы. К этому предложению мы вернемся позже.

Как видно из воспоминаний Скоропадского, антагонистами они не были, хотя в начале их знакомства, действительно, у Гетмана к митрополиту Антонию было настороженное отношение: он ожидал, что будет конфронтация и полное непонимание. Своей разумной административной политикой Митрополит это напряжение снял. Сам Скоропадский вспоминает об этом так: „как человек безусловно большого ума, [митрополит Антоний] написал мне с большим достоинством письмо, в котором он признал мою власть” и т. д. (Skoropads`kuj 1995, 198).

У Гетмана были сложные отношения с *черносотенной* частью русской общественности в Киеве, не принимавшей государственности Украины и много принесяшей вреда, в частности, в деле формирования украинской гетманской армии

из состава боевых кадровых офицеров бывшей Императорской армии¹², но и здесь митрополит Антоний был не антагонистом, а союзником и помощником Гетмана. Скоропадский предполагает, что негласным центром *правой* интеллигенции и офицерства в Киеве был митрополит Антоний. Вероятнее всего, это было действительно так. Гетман свидетельствует: „В течение всего Гетманства правые организации сидели довольно смиренно”, то есть очевидно, что митрополит Антоний своим авторитетом сдерживал антиукраинские и антиправительственные выступления *правых* русских организаций. Прямых доказательств этому пока нет, но в качестве подтверждения нашей мысли можно привести выдержки из документов, составленных лично митрополитом Антонием, ясно и недвусмысленно свидетельствующих о его взглядах на Украину и украинскую государственность.

Так, на прошении бывшего директора Комратского реального училища Ивана Голубовского (бежавшего из Бессарабии в Украину) о ходатайстве перед украинской властью о предоставлении Голубовскому какого-либо места службы, читаем: „Если я это письмо передам министру, то [вы] никогда ничего не получите. Нужно писать не о Царе и о России, а об Украине. Подайте ему прошение на украинском языке, пояснив, что Вы уроженец Холмской епархии” (цит. по Starodub 2012).

Митрополит считал непреложной обязанностью духовенства Церкви, которую он возглавлял, молиться за власти Украины, и наказывал нарушавших это требование священнослужителей. После извещения Министерства исповеданий о том, что в некоторых храмах города Белая Церковь и на станции Ворзель около Киева

¹² Что привело, в конечном итоге, к оккупации большевиками Украины и установлению здесь, вслед за Россией, красного террора в отношении как украинской, так и русской части населения, и в первую очередь – той самой *великорусской общественности*, травившей Гетмана и саботировавшей формирование боеспособной украинской армии.

поминают *российскую государственную власть*, митрополит Антоний в резолюции киевской духовной консистории написал: „Предписать в оба места, чтобы поминали по установленной Всеукраинским Собором форме: «О богохранимой державе нашей Украине и о благоверном Гетмане ея Павле», а сверх того, чтобы дали объяснение, почему поминали неправильно” (Резолюция от 5/18 сентября 1918 г. {цит. по Starodub 2012}).

И здесь мы подходим к наиболее важному и существенному моменту государственно-церковных отношений в Украинской Державе – решениям Всеукраинского Православного Церковного Собора 1918 года, проходившего в Киеве под председательством митрополита Антония (Храповицкого), авторитет и мировоззренческие принципы которого оказались решающими в принятии основных (основополагающих) соборных постановлений.

9 июля 1918 года Всеукраинским Церковным Собором принято Положение (устав) о временном Высшем управлении ПЦУ, в котором, между прочим, есть такие пункты:

16. Представителем Православной Церкви в Державе Украинской и посредником между Церковью и Державою является Митрополит Киевский, как Председатель всех органов Высшего Церковного Управления.

17. Со стороны Державы Украинской посредником между Державой и Церковью является Министр Исповеданий, который должен быть православной веры.

18. Митрополит Киевский и Галицкий участвует в высшем представительном государственном учреждении” (цит. по „Položenie o vremennom...” 1918).

То есть, в отличие от советской России, где 5 февраля 1918 года Совнаркомом РСФСР был принят декрет „Об отделении церкви от государства и школы от церкви”, а сама Церковь всячески притеснялась и вообще была лишена юридического статуса, в гетманской Украине православная Церковь сохраняла свой

status quo, а ее председатель даже имел право принимать участие в заседаниях *высшего представительного государственного учреждения*.

Важным признаком отличия политики советского и гетманского правительств по отношению к Церкви и соответственно реакции Церкви на эту политику можно считать два соборных документа, опубликованных от имени православной Церкви в Москве и Киеве с промежутком почти в шесть месяцев. 1 февраля (19 января ст. ст.) 1918 года патриарх Тихон обнародовал послание, которое в церковной среде получило название *Анафема патриарха Тихона на советскую власть*. Впоследствии его текст был утвержден делегатами Всероссийского Поместного Собора и получил статус соборного документа.

Это послание имеет важное историческое и, главное, идейно-каноническое значение, поскольку содержит высказывания, определившие на десятки лет вперед отношение христиан к *антихристовой советской власти* и обусловившие появление в будущем Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви в СССР и Русской Зарубежной Церкви в эмиграции. Анафема патриархом Тихоном советской власти важна для данного исследования, поэтому приведем из нее несколько наиболее значимых цитат.

Начинается она с эпиграфа, содержание которого станет желанием и молитвой сотен тысяч христиан: „Да избавит нас Господь от настоящего века лукаваго (Гал. 1:4)” (*тут и далее цит. по „Poslanie Svâtejšeho Tihona, Patriarha vseâ Rossii” 1918, 74–76*). И далее, с первого же абзаца, прямо и без обиняков: „Тяжкое время переживает ныне святая православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины, и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани”. И хотя по имени большевиков не названо, из перечисленных злодеяний (обстрел

храмов Московского Кремля, убийства всем известных людей и т. п.) понятно, что речь идет именно о них и их власти в России: „ужасные и зверские избиения ни в чем неповинных (...) людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному (...) с беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, совершаются в наши дни во всех почти городах и весях нашей отчизны”. Патриарх называет большевиков „извергами рода человеческого” и обращается к этим извергам „с грозным словом обличения и прещения, по слову апостола”: „Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь *то, что творите вы*, не только жестокое дело, это – поистине *дело сатанинское*, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властью, данною нам от Бога, запрещаем вам приступить к Тайнам Христовым, *анафематствуем вас*, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви православной (тут и далее курсив наш – В.Ш.)”. С этого момента большевики и их наследники для православных христиан навеки извержены из рода человеческого, больше к человеческому роду не принадлежат. Поэтому следующее обращение Патриарха уже к христианам: „*Заклинаем и всех вас, верных чад православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение*”. Когда митрополит Сергей (Страгородский) в 1927 году заявит, что „мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства, (...) а с нашим правительством”, и поэтому „мы хотим быть православными и в то же время признавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи” (*цит. по „Deklaraciã mitropolita Sergiã o priznanii im sovetskoj vlasti.” 1990, 6–7*), для большинства христиан это предложение окажется неприемлемым,

ведь советское правительство состояло именно из тех „извергов рода человеческого”, с которыми Патриарх Тихон, под угрозой отлучения от Христа, запретил вступать „в какое-либо общение”.

Послание патриарха Тихона было напечатано отдельными листовками и разошлось по всей стране¹³, достигло оно и пределов Украины.

Неудивительно, что после анафематствования советской власти в России отношения между Церковью и государственной гетманской властью в Украине, при всей сложности внутрицерковной ситуации в нашей стране в то время, выглядели почти идиллически, что и отразилось в киевском соборном документе, который на тот момент воспринимался как альтернатива московской анафеме.

11 июля 1918 года Всеукраинским Церковным Собором обнародовано послание на украинском и русском языках „до усіх православних християн, на боголюбній землі нашої Україні сущих” (*тут и далее цит. по „Poslannâ Vseukrayîns`kogo Soboru...”* 2006, 136–139). Главный посыл соборного обращения к народу Украины – берегите мир и согласие в стране, не поддавайтесь пропаганде враждебных агитаторов, разжигающих в народе „пристрасть жорстокосердя та людоненависти”, которая „не знає собі межі й призводить тих, що зробилися рабами цієї пристрасті, все до гірших та до гірших злочинств”. Далее речь идет о большевицких злодеяниях в Киеве и по всей Украине: „вбивства урядовців поліції, побережників, потім поміщиків, молодих офіцерів, студентів, лікарів, далі – беззахистних бабусь та безневинних діток, нарешті – священників Божих, і до того всього (...) Митрополита Київського Владимира”, которого „25 січня біжучого року (...) озброєні лиходії (...) люто розстріляли і скололи багнетами”.

¹³ В архиве М. Е. Губонина сохранился оригинал такой листовки, см. *Akty Svâtejšego Tihona, Patriarha Moskovskogo i vseâ Rossii...* 1994, 84.

Чтобы ничего подобного никогда больше не повторилось, „Освященный Собор кличе увесь народ, перше – до покути перед Богом за себе і один за одного, друге – слухатись своїх панотців як батьків, третє – чесно трудитися та поважати законний порядок, без чого не може існувати жадин нарід, але неодмінно підлягає владі чужинців”. Собор обращается к украинскому народу с предостережением: „браття, не сподівайтесь зберегти свою вольність, як не будете залюбки коритися своїй ближчій законній владі, що устами свого вишчого Представника – Пана Гетьмана всей України оповістила усіх мешканців України, що вона має оберегати та підтримувати святу віру православну і дбати про бідніших синів свого народу”. Собор призывает украинский народ объединиться вокруг гетманской власти ради сохранения мира и благосостояния в стране:

Згадайте, браття, з яким щирим послухом прийняли ваші предки владу перших стародавніх Гетьманів України, з якою сердешною прихильністю згуртувались вони навколо цих речників нової народної влади, як однастайно йшли вони під їх прапорами на ворогів віри православної. Будьте ж достойними нащадками отих давніх козаків, єднайтеся у міцний гурток біля державця нової влади – нашого Гетьмана, що урочисто визнав себе поборником православної віри і скинув попередню жорстоку владу гвалтівників та безбожників. (...) Хай настане кінець лиходійним грабіжникам, душогубству, блюзнірствам.

Отсыл к исторической памяти, упоминание имен двух украинских Гетманов, один из которых – прямой предок нынешнего Гетмана („Хай буде надалі життя нашої України таке ж благочестиве, сміливе та працювоне, як було життя предків ваших за Гетьманів Богдана Хмельницького, Івана Скоропадського та інших”), призван был показать преемственность традиции гетманской власти в Украине, искусственно прерванной, но теперь восстановленной и благословленной Церковью.

Как свидетельствовал впоследствии бывший ученик Антония, архиепископ Черниговский Пахомий (Кедров)¹⁴, в Соборе приняло участие 300 делегатов со всех городов Украины, подконтрольных Гетману, – священников и мирян, из них 10 архиереев, – и он прошел на большом духовной подъеме, общая атмосфера Собора выражала единодушие (см. *Pahomij (Kedrov), arhiepiskop Ćernigovskij i Nežinskij...* 2006, 163). Нет сомнения, что идейным вдохновителем (а возможно, и одним из главных авторов) этого соборного послания был глава ПЦУ Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), и послание это отразило не только настроения делегатов Собора, но и его председателя – предстоятеля автономной Украинской Церкви.

Киевский историк Андрей Стародуб, исследуя резолюции митрополита Антония того периода в украинских архивах, делает вывод, что из подозрительных, поначалу, взаимоотношений Гетмана и Митрополита, к осени 1918 года они становятся дружественными, так что митрополит Антоний даже берет на себя роль ходатая перед украинской властью в различных сложных и деликатных вопросах. Например, 13/26 сентября на прошении уполномоченного Союза церковей г. Воронежа Г. Новоринского о ходатайстве перед Гетманом о разрешении на покупку муки и зерна в Украине, митрополит Антоний поставил следующую резолюцию: „Прошение Ваше доложено мною Пану Гетману и Ясновельможный обещал принять участие” (см. Starodub 2012). Очевидно, что к осени 1918 года из архиерея, сочувствовавшего государственной политике Гетмана, митрополит Антоний превратился в его единомышленника и одного из помощников в решении разного рода вопросов державного строительства; их отношения из подозрительных постепенно становились доверительными.

¹⁴ Избранный на Соборе членом Синода – высшего органа церковного управления в промежутках между Соборами (см. Nikon (Rklickij), episkop 1958, 234).

Примечателен эпизод со служением в Киеве, по прямому указанию и благословию митрополита Антония, панихиды по другому украинскому Гетману, сделавшему очень много для Украинской Церкви и украинской культуры, – Ивану Мазепе. Автор и составитель многотомного *Жизнеописания митрополита Антония* архиепископ Никон (Рклицкий), его ближайший помощник в эмиграции, знавший многие факты биографии Антония непосредственно с его слов, так описывал это событие:

Приближался день Полтавской победы 27 июня. Самостийники обратились к Владыке с петицией, в которой, заявляя, что они считают день Полтавской битвы днем национального траура, просили Владыку в этот день отслужить на Софийской площади панихиду по гетману Ивану Мазепе. Владыка Антоний, ценивший Мазепу за его церковноправославную народную деятельность и не сочувствовавший Петру I за антиканонические и антицерковные реформы в России, ответил, что он предварительно отправит телеграмму Патриарху Тихону с просьбой снять с Мазепы анафему как незаконно наложенную не за ересь, а за политику. Телеграмма была послана, и Патриарх снял запрещение. Накануне дня панихиды было собрание епископов, которые были недовольны согласием Владыки отслужить панихиду, и притом именно в день Полтавской битвы, что панихида – это своего рода демонстрация против старой России и что вслед за этим самостийники могут потребовать снятия памятника Богдану Хмельницкому. Владыка сказал, что он и не собирался лично служить панихиду уже по одному тому, что украинцы его не любят и могут подумать, что он хочет к ним поддаться, и поручает отслужить панихиду одному из викариев. На это предложение три киевских викария – Василий, Димитрий и Никодим просили их освободить, а четвертый – епископ Черкасский Назарий, старик дворянин из монахов Киево-Печерской лавры, человек смиренный и кроткий, согласился «за послушание». На другой день панихида была отслужена (см. Nikon (Rklickij), episkop 1958, 234–235).

В этом рассказе, написанном, несомненно, со слов самого Антония, примечательно объяснение Митрополита, почему

он лично не стал служить панихиду по гетману Ивану Мазепе. Обратим внимание на то, что записано оно было уже в эмиграции, когда, при желании, можно было придумать любое *патриотическое* объяснение. Тем не менее, Митрополит объясняет свое личное неучастие в служении панихиды не тем, что он отказался ее служить из великорусских патриотических чувств. Он ссылается на то, что взаимоотношения с украинцами и украинской властью в то время были напряжены, и он не хотел, чтобы его искреннее расположение к незаконно анафематствованному Гетману было воспринято как лицемерие. Что это именно так, подтверждают и слова архиепископа Никона об отношении Антония (Храповицкого) к Ивану Мазепе и к церковному отлучению, наложенному на Гетмана не за религиозное, а за политическое *преступление*, что противоречит канонам Православной Церкви, как и личное обращение Антония к Патриарху с просьбой снять это отлучение. Очевидно, живя многие годы в Украине и сталкиваясь буквально на каждом шагу с какими-то деяниями опального Гетмана, митрополит Антоний размышлял о судьбе народа, среди которого ему пришлось пастырствовать. Бог судил ему возглавить Церковь этого народа и этой страны, когда она стала самостоятельным государством, когда в ней царили мир и спокойная гражданская жизнь, а на родине Митрополита бушевали страсти гражданской войны и лились реки крови. Несомненно, в глубине души митрополит Антоний радовался, что в Украине, свободной от богоборчества, сохранился еще порядок, и он искренне молился „О богохранимой державе нашей Украине и о благоверном Гетмане ея”.

Значит ли это, что митрополит Антоний, убежденный консерватор и монархист, о котором гетман Скоропадский написал, что ум его „уж слишком самодержавного направления”, предрекавший гибель Российской империи и кровавую тиранию, если в русском народе не будет покаяния, и увидевший

собственными глазами исполнение своего пророчества¹⁵, отказался от своих убеждений и изменил своему мировоззрению?

Отнюдь нет. Он ищет выход, – если не для всей Российской империи, так хотя бы для той ее части, которая всё еще хранит православие и строит свое свободное государство. Он предлагает Гетману коронацию, он видит Украину как самостоятельное монархическое государство с православным монархом-гетманом во главе. Он принимает украинскую идею, но пропускает ее сквозь призму собственного консервативного мировоззрения, ни в чем не изменяя ему.

Это не могло быть легкомысленным решением, митрополит Антоний понимал – стать Украина монархическим государством, она уже никогда не вернется в состав Российской империи, даже если последней суждено будет возродиться.

Коронация не состоялась. Гетман отказался, его мировоззрение было консервативным, но не монархическим: „Я это отклонил. Он удивился”, – напишет в эмиграции Гетман (см. Skoropads`kuj 1995, 200). С митрополитом Антонием он был в хороших отношениях, „но совершенно не разделял его взглядов”.

14 декабря 1918 года гетманская Украинская Держава была свергнута и к власти пришла Директория во главе с социалистами Владимиром Винниченко и Симоном Петлюрой¹⁶, однако ненадолго:

¹⁵ Речь идет о проповеди, произнесенной в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга 20 февраля 1905 года в связи с разрастающейся в Российской империи *первой русской революцией*; в проповеди, в частности, были такие слова: „в случае ее [государственной монархической власти] колебания он [русский народ] будет несчастнейший из народов, поработенный уже не прежним суровым помещикам, но врагам всех священных ему и дорогих ему устоев его тысячелетней жизни, – врагам упорным и жестоким, которые начнут с того, что отнимут у него возможность изучать в школах закон Божий, а кончат тем, что будут разрушать святые храмы и извергать мощи угодников Божиих, собирая их в анатомические театры” (цит. по Antonij (Hrapovickij) 1905, 229–237).

¹⁶ „Коли гетьман П. Скоропадський у квітні 1918 р. прийшов до влади, він мав чітку програму державного будівництва. Директорія розпочинала свій

пользуясь раздором украинцев, советские войска оккупировали почти всю Украину. Как и везде в бывшей Российской империи, мирная жизнь в Украине закончилась – ужасы гражданской войны докатились и до Киева.

Таким образом, конфликт между митрополитом Антонием (Храповицким) и украинством носил не национальный, а мировоззренческий характер. Это не был конфликт великорусской и украинской идеи, это был конфликт двух противостоящих друг другу идеологий: в данном историческом контексте – консервативной (православно-монархической) и социалистической. С той частью украинства, которая несла в себе консервативное начало, этот конфликт закончился примирением и признанием. Митрополит Антоний, переосмыслив, пропустив через свое консервативное мировоззрение, принял украинскую идею. Сохранись Украинская Держава в том виде, как ее задумывал и пытался осуществить гетман Павел Скоропадский и его ближайшие сподвижники, митрополит Антоний довел бы дело автономии ПЦУ до ее полной автокефалии. Но история пошла иным путем.

Литература

Список использованных сокращений Архивов:

СА FSB – Central'nyj arhiv Federal'noj služby bezopasnosti Rossii

ДАЧО – Deržavnyj arhiv Černigivs'koj oblasti

виступ, який починався як заколот, не визначаючи своєї політичної програми. (...) Своєї політичної програми провід повстання не розробив, єдиною метою було проголошено ліквідацію гетьманщини. Директорія свідомо уникала соціально-політичних гасел, щоби повстання підтримав не лише національний табір, а й інші, ворожі гетьманській владі сили. (...) Заклик до розгрому гетьманщини сприйняли ліві російські есери, махновці, анархісти, більшовики. (...) Розповсюджуючись у такий спосіб, повстання ставало загальнонародним, охопило величезну територію. Україна швидко занурювалася у вир громадянської війни” (см. Войко 2011, 9).

Библиография

- Akty Svâtejšego Tihona, Patriarha Moskovskogo i vseâ Rossii, pozdnejšie dokumenty i perepiska o kanoničeskom preemstve vyssšej cerkovnoj vlasti. 1917–1943 gg.* 1994. Sost. Mihail Efimovič Gubonin. Moskva: Pravoslavnyj Svâto-Tihonovskij bogoslovskij institut.
- Antonij (Hrapovickij), episkop Volynskij i Žitomirskij. 1905. „Slovo o Strašnom sude”. W *Volynskie eparhial'ny'e vedomosti* 8: 229–237.
- Bojko, Olena Dmytrivna. 2011. „Protyget`mans`ke povstannâ (1918 r.): pidsumky ta naslidky” *Tematyčnyj zbi`rnik naukovyh prac`* 2011: 7–15.
- CA FSB: CA FSB, d. H-3677, t. 7.
- DAČO: DAČO, f. P-15, op. 4, d. 14.
- „Deklaraciâ mitropolita Sergiâ o priznanii im sovetsoj vlasti.” 1990. W *Pred sudom Božiim. Russkaâ Pravoslavnaâ Zarubežnaâ Cerkov` i Moskovskaâ Patriarhiâ*. Monreal`.
- Grigorij (Grabbe), episkop. 1991. *Russkaâ Cerkov`pered licom gospodstvuušego zla*. Džordanvill: Tipografiâ prep. Iova Počaevskogo.
- Kniga pravil Svâtyh Apostol, Svâtyh Soborov Vselenskih i Pomestnyh i Svâtyh Otec*. 1893. Moskva: Sinodal`naâ tipografiâ.
- Livšic, Ekaterina Konstantinovna. 2009. „Byloe”. W *Meždu serdcem i vremenem. Vospominaniâ ob Aleksandre Dejče*. Sost. Evgeniâ Kuzminična Dejč, 20–30, Kiev: Feniks.
- Marčenko, Ivan Oleksijovyč. 2012. *Koreni mogo patriotyčnonacional`nogo samovyznačennâ*. Kyïv: Ukraïns`ka vydavnyča spilka im. Ū. Lypy.
- Nikon (Rklickij), episkop. 1958. *Žizneopisanie blažennejšego Antoniâ, mitropolita Kievskogo i Galiczskogo*. T. IV: 1914–1920. N`û-Jork: Izdanie Severo-Amerikanskoj i Kanadsoj eparchii.
- Pahomij (Kedrov), arhiepiskop Černigovskij i Nežinskij: materialy k žizneopisaniiu*. 2006. Sostavitel, avtor vstupitelnoi statti Olexsandr Fedorovyč Tarasenko. Černigov: Desnyans`ka pravda.

- Papakin, Geogij Volodymyrovych. 2017. „Get`man Pavlo Skoropads`kyj i Cerkva (za materialamy rodynnogo lystuvannâ i spogadyv)”. *Pravoslav`â v Ukraïni* 2: 22–36.
- Paustovskij, Konstantin Georgievič. 1985. *Načalo nevedomogo veka. Vremâ bol`ših ožidaniij*. Kyïv: Dnipro.
- „Položenie o vremennom Vysšem upravlenii Pravoslavnoj Cerkvi na Ukraine (prinâto Soborom Ukrainskoj Cerkvi 9 iûlâ 1918 goda)”. 1918. W *Sobranie opredelenij i postanovlenij Svâšennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi*. Vyp. 4. Moskva: Izdanie Sobornogo Soveta.
- „Poslanie Svâtejšego Tihona, Patriarha vseâ Rossii”. 1918. *Bogoslovskij Vestnik*. T. I (Ânvar` –Fevral`): 74–76. Izdanie Moskovskoj duhovnoj akademii.
- „Poslannâ Vseukrayïns`kogo Soboru 28 VI (11 VII) 1918 r.” W *Pahomij (Kedrov), arhiepisop Černigovskij i Nežinskij: materialy k žizneopisaniû*. 2006. Sostavitel, avtor vstupitelnoi statti Oleksandr Fedorovyč Tarasenko, 136–139, Černigov: Desnyans`ka pravda.
- Širinskaâ, Anastasiâ Aleksandrovna. 1999. *Bizerta. Poslednââ stoânka*. Moskva: Voenizdat.
- Skoropads`kyj, Pavlo Petrovyč. 1995. *Spogady: kinec` 1917 – gruden` 1918*. Golov. red. Âroslav Bogdanovyč Pelens`kyj. Kyïv/Filadel`fiâ: Instytut ukraïnskoï arheografii ta džereloznavstva.
- Starodub, Andrej Viktorovič. 2012. „Rezolûcii mitropolita Antoniâ (Hrapovickogo) za 1918 god kak istočnik po istorii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi”. W *Cerkovnye vedomosti: Duhovnoe nasledie Katakombnoj Cerkvi i Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej*. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=634> (data dostępu 05.09.2023).
- Ul`ânovskij, Vasyl` Irynarhovyč. 1997. *Cerkva v ukraïnskij deržavi 1917–1920 rr. (doba Get`manatu Pavla Skoropads`kogo)*. Kyïv: Lybid`.

Zen`kovskij Vasilij, protopresviter. 1995. *Pât` mesâcev u vlasti (15 maâ – 19 oktâbrâ 1918 g.): Vospominaniâ*. Publ. i red. teksta Modest Alekseevič Kolerov. Moskva: Krutickoe patriaršee podvor`e.

CHRZEŚCIJAŃSKA AKADEMIA TEOLOGICZNA
w WARSZAWIE

Rok LXV

Zeszyt 3

ROCZNIK TEOLOGICZNY

[E-WYDANIE]

WARSZAWA 2023

REDAGUJE KOLEGIUM

dr hab. Jakub Sławik, prof. ChAT – redaktor naczelny

dr hab. Jerzy Ostapczuk, prof. ChAT – zastępca redaktora naczelnego

prof. dr hab. Tadeusz J. Zieliński

dr hab. Borys Przedpełski, prof. ChAT

dr hab. Jerzy Sojka, prof. ChAT – sekretarz redakcji

MIĘDZYNARODOWA RADA NAUKOWA

JE metropolita prof. dr hab. Sawa (Michał Hrycuniak), ChAT

abp prof. dr hab. Jerzy Pańkowski, ChAT

bp prof. ucz. dr hab. Marcin Hintz, ChAT

prof. dr hab. Atanolij Aleksiejew, Państwowy Uniwersytet w Petersburgu

prof. dr Marcello Garzaniti, Uniwersytet we Florencji

prof. dr hab. Michael Meyer-Blanck, Uniwersytet w Bonn

prof. dr hab. Antoni Mironowicz, Uniwersytet w Białymstoku

prof. dr hab. Wiesław Przyczyna, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie

prof. dr hab. Eugeniusz Sakowicz, Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego
w Warszawie

prof. dr hab. Tadeusz Stegner, Uniwersytet Gdański

prof. dr Urs von Arx, Uniwersytet w Bernie

prof. dr hab. Piotr Wilczek, Uniwersytet Warszawski

Redakcja językowa – Kalina Wojciechowska
Korekta tekstów angielskich – Karen Wasilewska
Skład komputerowy – Jerzy Sojka

BWHEBB, BWHEBL, BWTRANS [Hebrew]; BWGRKL, BWGRKN, and BWGRKI [Greek]
PostScript® Type 1 and TrueType fonts Copyright ©1994-2013 BibleWorks, LLC.
All rights reserved. These Biblical Greek and Hebrew fonts are used with permission
and are from BibleWorks (www.bibleworks.com)

eISSN: 2956-5685

Wydano nakładem
Wydawnictwa Naukowego ChAT
ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa, tel. +48 22 635-68-55
Objętość ark. wyd.: 8,4. Nakład: 100 egz.
Druk: druk-24h.com.pl
ul. Zwycięstwa 10, 15-703 Białystok

SPIS TREŚCI

ARTYKUŁY

JERZY OSTAPCZUK, BARBARA DZIERŻANOWSKA, <i>Early Printed Editions of Cyrillic Liturgical Tetraevangelia. A Catalogue</i>	465
КСЕНИЯ КАЗАРИНОВА, <i>Фрагмент Ин 20.19–31 в руськомовных учительных евангелиях: особенности списков силецкой гипергруппы</i>	515
СЕРГЕЙ ТЕМЧИН, <i>Когда Сергей Кимбар начал управлять Супрасльским монастырем: К уточнению хронологии первых настоятелей</i>	531
ВИТАЛИЙ ШУМИЛО, <i>Митрополит Антоний (Храповицкий) и идея государственности Украины в период правления гетмана Павла Скоропадского</i>	543
MICHAŁ PŁÓCIENNIK, <i>Personalistyczno-historyczny charakter Objawienia Bożego w myśli Włodzimierza N. Łoskiego</i>	569
TOMASZ DARIUSZ MAMES, <i>Inkluzyjna ‘świętość’: wybrane zagadnienia eklezjologii i soteriologii plockiego nurtu w mariawityzmie</i>	601
Wykaz autorów	646

Contents

JERZY OSTAPCZUK, BARBARA DZIERŻANOWSKA, <i>Early Printed Editions of Cyrillic Liturgical Tetraevangelia. A Catalogue</i>	465
KSENIJA KAZARINOVA, <i>Fragment John 20:19–31 in Ruthenian didactic gospels: peculiarities of manuscripts of Siltsya's hypergroup</i>	515
SERGEJUS TEMČINAS, <i>When Sergius Kimbar began to run the Supraśl Monastery: Clarifying the chronology of the first abbots</i>	531
VITALIJ SHUMILO, <i>Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) and the idea of Ukrainian statehood during the reign of Hetman Pavel Skoropadsky</i>	543
MICHAŁ PŁÓCIENNIK, <i>Personalist-Historical Character of God's Revelation in the Thought of Vladimir N. Lossky</i>	569
TOMASZ DARIUSZ MAMES, <i>Inclusive 'Holiness': Selected Issues of Ecclesiology and Soteriology in the Mariavite Old Catholic Church</i>	601
List of authors	646

Wykaz autorów

Jerzy Ostapczuk, j.ostapczuk@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa

Barbara Dzierżanowska, barbara.dzierzanowska@uw.edu.pl, Wydział Polonistyki, Uniwersytet Warszawski, ul. Mińska 25c/6, 03-808 Warszawa

Ksenija Kazarinova, ksemuri@gmail.com, Lietuvių kalbos institutas, P. Vileišio g. 5, LT-10308 Vilnius, Lietuva-Lithuania

Sergejus Temčinas, sergejus.temcinas@flf.vu.lt, Lietuvių kalbos institutas, P. Vileišio g. 5, LT-10308 Vilnius, Lietuva-Lithuania

Vitaliy Shumilo, veraizhizn@gmail.com, Nacionalnyi Universitet „Chernihovskyi kolegium” im. T. Shevchenki, Chernigov, ul. Hetmana Polubotka 53, 14000 Ukraina.

Michał Płóciennik, m.plociennik@ujd.edu.pl, Uniwersytet Jana Długosza w Częstochowie, al. Armii Krajowej 36a, pokój 304, 42-200 Częstochowa

Tomasz Dariusz Mames, tdmames@myyahoo.com, Église Catholique Apostolique de Paris, 47, rue de l'Échiquier, 75010 Paris, France.